

Ландшафт русской души (метафорический аспект)

Ольга Николаевна Кондратьева, кафедра общего языкознания и славянских языков Кемеровского государственного университета (Россия), Kondr25@rambler.ru

Ключевые слова: лингвокультурология, языковая картина мира, концептуальная метафора, менталитет, ландшафт, душа

Key words: linguoculturology, conceptual metaphor, language picture of the world, mentality, landscape, soul

Одним из наиболее активно развивающихся направлений современного языкознания является лингвокультурология, сформировавшаяся в результате интегрирования лингвистики со смежными дисциплинами – культурологией, этнологией и этнографией. Основной задачей лингвокультурологии является анализ языковых явлений, раскрывающих национально-культурную специфику образа мира того или иного народа, т.е. анализ его языковой картины мира.

На формирование картины мира этноса оказывает влияние целый ряд факторов – это история, религия, язык, традиции, природа и даже ландшафт. Роль бескрайних пространств в формировании национального русского мировидения уже отмечали многие авторы [см. обзор в: Замятин 1994; Лавренова 2010; Шмелев 2002 и др.].

Наиболее показательна в этом плане статья Н.А. Бердяева «О власти пространств над русской душой», в которой философ выводит прямую закономерность между географическими факторами и менталитетом нации. В частности, Н.А. Бердяев отмечал, что «русские пространства находятся и *внутри русской души* и имеют над ней огромную власть. Русский человек, человек земли, чувствует себя беспомощным овладеть этими пространствами и организовать их. ... с более глубокой, внутренней точки зрения сами эти пространства можно рассматривать как внутренний, духовный факт в русской судьбе. Это – *география русской души* (выделено нами. – О.К.)» [Бердяев 1918].

Таким образом, ландшафт имел существенное значение для формирования менталитета русской нации, оформления русской картины мира, в том числе и одного из ее фрагментов – концептосферы «внутренний мир человека». Познание внутреннего мира происходило преимущественно посредством метафор, и задача настоящего исследования – выявить роль сферы «ландшафт» в метафорической концептуализации души русского человека.

Современная лингвистика отказалась от традиционного взгляда на метафору как на «сокращенное сравнение», метафора в данный момент рассматривается как основная ментальная операция, как способ познания, структурирования и объяснения мира. Метафорический перенос не произволен, существует некое содержание, инвариантно присутствующее в областях Источника и Цели, которое и составляет основание переноса. Также следует отметить, что метафорические стратегии, безусловно, обладают культурной и исторической спецификой.

В процессе исследования метафорической модели «душа – это ландшафт» нами была использована разработанная А.П. Чудиновым методика анализа, которая включает характеристику сферы-источника (ландшафта) и сферы-мишени (души), выявление относящихся к данной модели фреймов и определение компонентов, которые связывают первичные и вторичные значения охватываемых данной моделью единиц [Чудинов 2001: 45].

В результате проведенного анализа языковых единиц, извлеченных из текстов русской художественной литературы XIX-XX веков, было установлено, что метафорическая модель «душа – это ландшафт», представлена шестью фреймами, каждый из которых характеризуется значительным количеством метафорических переносов.

1. Фрейм «Широкие, бескрайние пространства». В рамках данного фрейма метафоризации при характеристике души подвергаются лексемы *равнина*, *поле*, *раздолье*. Равнина – это один из наиболее характерных для России ландшафтов, именно это позволило исследователям ментальности говорить о «равнинной религиозности» русского народа (Н. Бердяев), «равнинном мышлении» (Е.С. Яковлева), «бесконечной равнине как парасимволе русской культуры» (В.А. Маслова). Таким образом, для русской культуры характерно «плоскостное», «равнинное» мышление, то есть горизонтальная ориентация пространства, что отражает типичный ландшафт [Яковлева 1994: 31].

Равнина – ‘ровная без высоких холмов земная поверхность’ [Ожегов 1995: 627], раздолье – ‘простор, широкое пространство’ [Там же: 635], поле – ‘безлесная равнина, пространство’ [Там же: 543]. Следовательно, прототипическими признаками данных видов пространства являются широта, открытость, безграничность, и простор. Именно широту и простор относят к главным ценностям русской лингвокультуры [см., например, в: Шмелев 2002].

Сопоставление души с равниной и раздольем становится показателем национальной принадлежности, репрезентирует такие особенности души, как ее безбрежность, необъятность: ... *Сын польки-матери и русского отца, Он воплотил в себе стихию славянина, В его душе всегда широкая равнина Стремясь достичь небес, уходит без конца* (К. Бальмонт. Некрасов); *Сергей Есенин. ... Такой талант и душа русская, раздольная душа* (А. П. Чапыгин. Письмо М. Горькому); *Недаром среди таких широт Под стать простору и народ Любую даль не читит далекой. Он весь в тебя, родная ширь, Широкоплечий богатырь С душой, как ты сама, широкой!* (К.Д. Бальмонт); *Какой равниной Раскинут мир души твоей, На ней вершинки – ни единой, И нет ни звуков, ни теней...* (К. К. Случевский. Песни).

Метафоры поля также репрезентируют широту и безбрежность русской души: *Несказанное, синее, нежное...Тих мой край после бурь, после гроз, И душа моя – поле безбрежное – Дышит запахом меда и роз* (С. А. Есенин. Несказанное, синее, нежное...); *От браги вольностью хмелею, Душа, как поле, широка, Ватаг разнузданных пьянее Плещутся в небе облака* (П.В. Орешин. Бродяга).

2. Фрейм «Пустые, безжизненные пространства». Метафорическому переосмыслению подвергаются лексемы *пустыня* и *степь*. Пустыня – ‘большое, не заселенное людьми пространство, лишённое растительности или со скудной растительностью’ [Ожегов 1995: 622], степь – ‘безлесное, бедное влагой и обычно ровное пространство с травянистой растительностью в зоне сухого климата’ [Там же: 755]. Прототипические признаки данных видов ландшафта – это пустота и безжизненность.

Сравнение души с пустыней получило широкое распространение в русской языковой картине мира: *Но душа велика – как пустыни обзор, И как дно глубока моих Чудских озер!* (А. Н. Муравьев. Певец и Ольга); *Не за свою молю душу пустынную, а душу странника в свете безродного; Но я вручить хочу деву невинную Теплою заступнице мира холодного* (М. Ю. Лермонтов. Молитва); *Ты молнией сверкнул в глухой пустыне Больной души...* (А. А. Григорьев. «И все же ты, далекий призрак мой...»); *Нет, он меня не обожжет: Я возлюбил души пустыню, Извечная, она лиет Свою святую благостыню* (А. Белый. Просветление);

Сравнение души с пустыней демонстрирует ее пустоту: *Немолчный жизни звон, как в лабиринте стен, / В пустыне наших душ бездомным эхом бродит* (Н. Клюев. Мы любим только то, чему названья нет...), а также безжизненность, эмоциональную опустошенность: *В душе – пустыня, в сердце – холод, И нынче скучно, как вчера, И мысли давит мне хандра Тяжеловесная, как молот!* (С. А. Андреевский. Мрак); *О сумрачных, но вместе милых днях, Когда в душе искал ты, как в пустыне, Остатки прежних чувств и прежние мечты?* (М. Ю. Лермонтов. Ужасная судьба отца и сына...); *Немой души его пустыню Наполнил благодатный звук – И вновь постигнул он святыню Любви, добра и красоты!* (М. Ю. Лермонтов. Демон).

Постепенно к исконно русскому представлению о пустыне как пустом месте (внутренняя форма слова пустыня именно пустота) добавляется представление о пустыне как песчаном безжизненном и безводном пространстве, где палит солнце, царит зной и веют горячие сухие ветра: *Душа Печорина не каменистая почва, но засохшая от зноя пламенной жизни земля; пусть взрыхлит ее страдания и оросит благодатный дождь, – и она произрастит из себя пышные, роскошные цветы небесной любви* (В.Г. Белинский. Полное собрание сочинений); *В моей душе сегодня, как в пустыне, Самумы дикие крутятся, и песок, Столбами встав, скрывает купол синий* (В. Брюсов. Хмель исступленья).

Соответственно, благодатное влияние эмоций на человека предстает как влияние благодатной жажды на иссохшую пустыню: *Я слышу порой твой ангельский голос, милая, о! Тогда душа моя впивает жадно его, как пески ливийские росу неба, – она распускается как ночной цветок* (А. А. Бестужев-Марлинский. Вадимов); *Засохшую пустыню Его души, как Божия роса, Увлажила навек одна слеза* (А. Григорьев. Титании).

Метафоры степи, характеризуя душу, также репрезентируют такие ее признаки, как отсутствие жизни, отсутствие эмоциональных переживаний, одиночество: *Как степь безводная, душа моя мертва, И только, как и встарь, над тайной мирозданья В работе тягостной пылает голова* (С. Я. Надсон. Мертва душа моя: ни грез, ни упования!..); *Он бросился бы на нее, и целый поток слез прошиб бы его и оросил бы его душу, как сухую степь, какую заливают теплый ливень!* (А. В. Сухово-Кобылин. Дело); *Снежную степью лежала душа одинокая, только порою заря в ней румянец рождала, Только безмолвная лунная ночь синеокая Отблеском жизни безмолвную степь наводняла!* (К. К. Случевский. «Снежную степью лежала душа одинокая...»).

Влияние столичной жизни на человека, его душу сравнивается с образованием выжженной, безжизненной степи, в которой уже нет места ни для мыслей, ни для чувств: *запасись для этого, пожалуйста, усталостью твоей рассеянной столичной жизни, которая делает из головы человека степь, из души его степь, из сердца степь, и стало быть, всего его превращает в такое степное существо, которое радо радёшенько и страшному уединению и чудному молчанию пустыни, когда судьбе вздумается забросить его туда!* (Н. Т. Муравьев. Письма русского из Персии).

3. «Непроходимые пространства». Подобным образом характеризуются такие массивы, как *дебри* и *лес*, принимающие активное участие в характеристике души. Дебри – ‘Место, заросшее непроходимым лесом’ [Ожегов 1995: 151], в переносном значении часто используется в как ‘труднодоступные места, глухой отдаленный край, захолустье’, лес – ‘множество деревьев, растущих на большом пространстве с сомкнутыми кронами’ [Там же: 317]. Прототипические признаки данных видов ландшафта – труднодоступность, удаленность от человека.

В метафоре ‘душевных дебрей’ реализовано восприятие души как закрытого, недоступного для посторонних пространства, внешнее вторжение в которое крайне нежелательно: *Павел Иванович – единственный человек, сентенции которого я*

выслушиваю с легкой душою, не морщась, которому дозволяется вопросительно заглядывать в мои глаза и запускать исследующую руку в *дебри моей души*... (А. П. Чехов. Драма на охоте); *Налетела ты бурю в дебри души!* (К. К. Случевский. Налетела ты бурю в дебри души...).

Трудности при понимании устремлений другого человека, его душевного настроения зачастую передаются метафорами темного леса: *Чужая душа, ты знаешь, темный лес, а девичья и подавно* (И. С. Тургенев. Дворянское гнездо); *Расскажите мне обо всех, няня. Все веселы и довольны? – Вид все стараются иметь веселый и довольный, Марья Григорьевна, а, конечно, чужая душа – темный лес: только в самую чащу войдешь, так зверя выпугнешь, а издали смотреть – одну зелень кажет. Может, у кого мыши на сердце скребут, а он в честь поставляет бодриться да с приятностью усмехаться* (М. Вовчок. Живая душа); *Мы ничего не можем сказать о том, какие перемены произвело время в душе нашего героя: чужая душа – темный лес,— говорится* (Д.В. Григорович. Проселочные дороги).

4. Фрейм «Возвышенности». Как уже было отмечено выше, для русских был характерен «равнинный», а не «горный» тип мышления [см. также Гачев 1995; Яковлева 1994]. Видимо, данный факт вполне объясняет отсутствие в изученном материале уподобления души горам. Из высоких объектов душа сопоставляется лишь с вулканом, но в данном случае акцент делается скорее на свойстве вулкана к извержениям, чем на его вертикальной ориентированности в пространстве.

Метафоризации подвергаются лексемы *вулкан* и устаревшая форма *волкан, жерло, лава*. Вулкан – ‘геологическое образование – коническая гора с кратером на вершине, через который из недр земли время от времени извергается огонь, лава, пепел, горячие газы, пары воды и обломки горных пород’ [Ожегов 1995: 104], лава – ‘расплавленная минеральная масса, изливающаяся из вулкана при извержении’ [Там же: 311], жерло ‘отверстие глубокого канала, идущего от очага вулкана к кратеру’ [Там же: 188].

Метафоры «души-вулкана» используются преимущественно для обозначения эмоциональных реакций человека, неконтролируемое проявление эмоций подобно извержению вулкана, кипящей лаве: *И вечным жаром, как волкан, Моя душа была согрета* (В. И. Туманский. Сетование); *При звуках, славы и свободы, Но мне доверил тайну сил Души-волкана; он открыл Мне лучшие свои желанья...* (П. П. Ершов. Послание к другу); *Зря вулкан души бушует, Трудно лаву потушить, Чувства с грязью слить рискую, Если грех тебя любить* (В. Ефименко. К сожаленью, жизнь проходит...); *Давно ль они горели славой, Гордились гением-вождем И все рвались душою-лавой Промчатся с громом и огнем!* (А. П. Баласогло. А. Н. В<ульф>); *Как Этны темное жерло, Моя душа покрыта прахом* (А. К. Толстой. Мой строгий друг, имей терпенье...); *Тогда впервые я почувствовала, что на мой счет заблуждались все, считая меня спокойною и самообладающею; тут я увидела, что в глубине моей души есть лава, которой мне не сдержать, если она вскипит и расколется* (Н. С. Лесков. На ножах).

5. Фрейм «Глубины». рамках данного фрейма метафоризации при характеристике души подвергаются лексемы *бездна, пропасть*. Бездна – ‘глубокая пропасть, пучина’ [Ожегов 1995: 38], пропасть – ‘крутой и глубокий обрыв, бездна’ [Там же: 606]. Прототипическими признаками данных объектов ландшафта являются глубина и скрытость от взгляда. В библейской традиции бездна и глубина предстают как неисчерпаемость, непостижимость, таинственность. В.В. Колесов отметил, что при характеристике внутреннего мира человека «глубина предстает как нераскрываемая потаенная сущность бытия» [Колесов 2002: 210].

Таким образом, сопоставление души с пропастью, бездной, глубиной представляет ее как нечто скрытое от взоров, трудное для познания: *там мало-помалу открывалась перед ним глубокая бездна ее души, которую приходилось ему наполнять и никогда не наполнить* (И. А. Гончаров. Обломов); *Так двух иль трех людей довольно, чтоб познать Все бездны темные души, весь мир сердечный С его поэзией, любовью бесконечной И всем, чего нельзя словами рассказать...* (Д. С. Мережковский. Семейная идиллия); *Бездна – душа моя; сердце твое Скроется в этой пустыне...* (А. А. Блок. «Ты не научишь меня проклинать...»); *притвориться с ней он не сумеет: она непременно добудет из него все, что бы он ни затаил в самых глубоких пропастях души* (И. А. Гончаров. Обломов); *Дивно и жутко – уйти в запредельность, Страшно мне в пропасть души заглянуть, Страшно – в своей глубине утонуть* (К. Д. Бальмонт. В душах есть все, что есть в небе, и много иного...).

Дополнительно признаки ненаблюдаемости, скрытости от взгляда у души-бездны, расположенной в самой глубине внутреннего мира человека, дополняются световыми метафорами темноты и мрака, делающими еще более сложным попытку рассмотреть, что же скрывается там, в глубине души: *Душа женщины, натура женщины глубока и бездонна, как бездна, но и темна, как бездна, пока не осветит ее свет любви мужчины* (А. А. Григорьев. Офелия); *между тем гений мести летучею молниею осветил бездну души его и начертал ему, что он должен был делать* (И. И. Лажечников. Басурман); *Долго искра золотая В бездне сумрачной души, В божий мир не выступая, Спит в бездейственной тиши* (В. Г. Бенедиктов. Искра); *Да, бездна есть во всём: в деяниях, в словах... И тёмной пропастью была душа Паскаля* (Ш. Бодлер. Бездна, пер. В. Шора).

Именно в самой глубине души человека, надежно скрытой от посторонних взглядов, происходит встреча человека с Божеством: *В нем чувство к прекрасному есть и благому, И разум свободный для истины в нем, И в безднах души одному лишь знакомо Предчувствие связи его с божеством* (А. А. Григорьев. «Жизнь хороша!..»).

6. Фрейм «Водоемы». Метафоризации подвергаются лексемы *пучина, море, океан, озеро, ручей, ключ, родник, источник*. Вода аморфна, стремительна, она необходима для существования человека, что и определяет ее особую роль. При характеристике души по-разному ведут себя наименования крупных водоемов и водоемов проточных.

Крупные водоемы – океан, море, пучина. Океан – ‘водное пространство, омывающее материк или находящееся между материками’ [Ожегов 1995: 440], море – ‘часть океана – большое водное пространство с горько-соленой водой’ [Там же: 358], пучина – ‘морская бездна’ [там же: 624]. В основе представлений об океане и море лежит принцип огромного скопления воды, безбрежного пространства, у которого видима лишь небольшая часть, что же находится в глубине – неизвестно.

Соответственно, душа посредством подобных метафор предстает в качестве безграничной сущности, таинственной и непостижимой: *Моря души – просторны и безбрежны, Погибнет песнь, в безбрежность удалясь* (А. А. Блок. Не пой ты мне и сладостно, и нежно...); *Душа, огромное как море, Дыша, как ветер над вулканом, Вдыхает огненное горе Над разоренным раем Ваном. Какое жертвенное счастье, Какое сладкое мученье В народной гибели участие, С тенями скорбными общенье!* (С. М. Городецкий. Ван); *Кто знает: женская душа, Как океан, неисследима!* (М. Ю. Лермонтов. Преступник); *Но то ли, другое ли, третье ли создавало себе воображение Тисочки, крутогорские женихи не могли угадать, и решили наконец, что Тисочкина душа – море, на поверхности которого ничего не видно, а на дне лежат светленькие порфирьевские полуимперяльчики* (М. Е. Салтыков-Щедрин. Жених).

На ‘дне’ подобных водоемов зарождаются эмоции: *Только когда поднимался восточный ветер, особенно сильный в этих местах, и волны начинали шевелить камнями на откосе маленького острова, – в глубине его души, как эти камни на дне моря, начинала глухо шевелиться тоска, неясная и тупая* (В. Г. Короленко. Мгновение), а также находятся ‘обломки’ крушения надежд: *В душе моей, как в океане, Надежд разбитых груз лежит* (М. Ю. Лермонтов. Нет, я не Байрон, я другой...).

‘Волнение’ моря способно репрезентировать различные эмоциональные состояния: *В душе, как в море, мрак и волны...* (Ф. Н. Глинка. Судьба Наполеона); *Как море в лютое волнение, Душа моя возмущена* (И.А. Крылов. К другу моему А. И. К<лушину>); *В моей душе бушуют также волны Воспоминаний и страстей* (А. Н. Апухтин. Восторженный канон Дамаскина...); *Сколько раз, пылая гневом, хватался я за книгу, и елей лился на бушующие волны души моей!* (А. А. Бестужев-Марлинский. Следствие вечера на кавказских водах); *Были два обстоятельства немножко неприятные; но оба эти обстоятельства тонули в море добродушного веселья, которое волновалось в душе Степана Аркадьича* (Л. Н. Толстой. Анна Каренина); *И вспомню я сквозь сон, что был поэтом я, И помутится вся, до дна, душа моя, Как море зыблется, когда проходят тучи* (В. Я. Брюсов. Сонет, посвященный поэту П.Д. Бутурлину).

Небольшие водоемы с проточной водой – это родник, ключ, источник, озеро. Родник – ‘водный источник, текущий из глубины земли, ключ’ [Ожегов 1995: 671], ключ – ‘вытекающий из земли источник, родник’ [Там же: 273], источник – ‘водная струя, выходящая на поверхность из-под земли’ [Там же: 250]. В данных водоемах чистая, прозрачная вода, обладающая особой жизненной силой, взятой у матери-земли: *Твоя душа – то ключ бездонный. Не замыкай истомных уст* (В. Я. Брюсов. Замкнутые); *Ведь душа людей – родник, Где глядится каждый миг Неизменно новый лик, Странен, волен и велик* (В. Я. Брюсов. Вила); *Будто месяц с шатра голубого, Ты мне в душу глядишь, как в ручей...* (К. К. Случевский. Женщина и дети); *Наши души – озера проточные: Все втечет и уйдет через сны* (В. Бутягина. В весне).

Прототипические признаки таких источников – чистота и прозрачность, поэтому подобные метафоры репрезентируют чистоту души, ее безгрешность, искренность: *И так бы сделал душу чисту, Как водный ключ, – сквозь блат гнилых, Как запах роз, – сквозь дебрь дымисту, Как луч небес, – сквозь бездн ночных* (Г. Р. Державин. Молитва); *И только обманули меня тогда и еще пуще замутили чистый источник в душе моей!* (Ф. М. Достоевский. Подросток); *Душа, как озеро, прозрачна и сквозна, И взор я погрузить в нее могу до дна* (А. К. Толстой. Порой, среди забот и жизненного шума...); *Случится ли тебе в заветный, чудный миг Отрыть в душе давно безмолвной Еще неведомый и девственный родник, Простых и сладких звуков полный* (М. Ю. Лермонтов. Не верь себе).

В качестве ‘водных потоков’, струящихся по ‘дну’ души, предстают положительные эмоции: *Родник любви течет на дне души глубоко, Как пылью, засорен житейской суетой...* (А. Н. Апухтин. О, что за облако над Русью пролетело...); *Но скрытой радости в душе остался ключ, И не погаснет в ней до вечного свиданья Один таинственный и неизменный луч* (В. С. Соловьев. А. А. Фету).

В результате проведенного исследования стало возможным утверждать, что метафоры с исходной сферой «ландшафт» являются одним из основных способов концептуализации души человека. Следует также отметить национально-культурную обусловленность ландшафтного представления души: это преобладание равнинных, горизонтальных метафор, что связано с тем, что основной символ русской культуры – бесконечная равнина.

Посредством ландшафтных метафор актуализируются такие значимые свойства русской души, как ее широта и безграничность, скрытость от взгляда, загадочность и трудность для постижения, чистота и искренность. Таким образом, благодаря способности концептуальной метафоры служить орудием познания мира в сознании адресатов создается метафорическое пространство безграничной русской души.

Литература

БЕРДЯЕВ Н.А. О власти пространств над русской душою.

http://krotov.info/library/02_b/berdyayev/1918_15_06.html

ГАЧЕВ Г. Национальные образы мира: Космо-Психо-Логос. М.: Прогрес: Культура, 1995.

ЗАМЯТИН Д.Н., ЗАМЯТИН А.Н. Хрестоматия по географии России. Образ страны: пространства России. М.: МИРОС, 1994.

КОЛЕСОВ В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб.: Филол. ф-т Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2000. 326 с.

ЛАВРЕНОВА О. А. Семантика культурного ландшафта: дисс. ... докт. филос. наук. М., 2010: http://www.ceninauku.ru/page_21968.htm

МАСЛОВА В.А. Лингвокультурология. – М.: Академия, 2001.

ОЖЕГОВ С.Е., И.Ю. ШВЕДОВА. Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1995.

ЧУДИНОВ А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001.

ШМЕЛЕВ А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Языки славянской культуры, 2002.

ЯКОВЛЕВА Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира: (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994.

Abstract

In given article the Specific character of a metaphor «soul is a landscape» in Russian linguoculture is considered. The frames structuring the given metaphor are consistently described, the lexical units included in metaphoric representation are established, the bases of metaphorical carry are defined. A material of research are texts of the Russian classical literature XIX-XX centuries.